

4.

- Ну и теперь моя очередь, - Игаша деловито потер руки и устроился поудобнее в полуразвалившемся кресле.

Все от него отвернулись, но слушал каждый. Игаша это знал, поэтому нисколько не смутился при виде спин.

- Значит так, - бодро начал тощий подросток. - Впервые я подсмотрел за собственной матерью в возрасте: м-м-м, что-то около пяти. Прямо-таки фатальный возраст для созревания человека, правда? Мы тогда жили в коммунальной квартире, и мать переодевалась между шкафом и пианино. Пианино неплотно прилегало к стене, и в эту щель я видел, как моя мать снимает халат и надевает на голые сиськи белый лифчик.

- Бюстгальтер и грудь, - пробормотала забившаяся в угол Анна Евгеньевна.

- Не, я таких слов не знал тогда. Лифчик и в нем сиськи, вот так. Потом я придумал игру, когда я нарывался на какого-нибудь пацана, тот отталкивал меня и я падал прямо на девчонок из нашего класса. Якобы нечаянно я хватал их за сиськи, за жопы: Было очень весело!

- Не сомневаюсь, - выдавила из себя Маринка.

- Да, ты даже не представляешь. Ну, а потом, у нас дома вечно был проходной двор.

Собутыльники отца приходили и все такое. Когда у них не было денег, они шатались по двору, выклянчивая мелочь: И вот однажды я подслушал во время очередной попойки, что отец вывел мать на улицу ночью и заработал на ней у какого-то таксиста.

- В смысле? - недоуменно поднял брови Сашка.

- В смысле она отсосала у таксиста за деньги. А деньги они потом вместе пропили. По-моему, она даже этого не заметила. А однажды, они нахрюкались вообще до поросычьего визга. Отец вырубился прямо за столом. Его друг потащил мать в кровать, эта кровать так скрипела, что я все время боялся, как бы отец не проснулся. Он, вообще-то, всегда мать ревновал. Даже когда продавал ее: Да, ну так вот они поскрипели немного, а потом друг побежал в ванную блевать. Я в это время уроки делал:

- Уроки? - недоверчиво переспросил Михон.

- Да, блин, уроки. Ты ж всегда думал, что я голимый двоечник, мурло неудачное: А я старался, блин! У меня просто не получалось! А ты бы попробовал сделать говенную биологию, где рассказывается про половые органы, когда твоя мать трахается чуть ли не у тебя на глазах!! . . .
Что, слабо, а?

Михон хмыкнул и опять уставился в окно.

- Да, - продолжал Игаша, - сосед, значит, убегает, а я смотрю - мать тоже вырубилась. Ну я, значит, подкрадываюсь к ней, а она лежит в сарафане своем домашнем, но трусы уже на коленях и лифчик этот: расстегнут, вот! Ну я потихоньку забираюсь на нее, мой хрен уже всю торчит: И она вся уже мокрая:

- Замолчи!

- Хорош, Игаша!

- Придурок!

Все слушатели почти одновременно выкрикнули ругательства, Игаша съежился, в глазах его заблестели слезы.

- Чего вы меня перебиваете? - прошептал он.

- Твою мать никто слушать не хочет! - яростно выкрикнула Анна Евгеньевна.

Каморка была наполнена всеобщей яростью. Даже свечка на столе засветила ярче и затрещала, словно набитая порохом.

- И тем не менее... - Игаша заговорил с обидой в голосе. - И тем не менее...

- Ты трахнул ее? - устало подытожил Мишка.

Классическая пауза взвилась до потолка.

- Да, - просто ответил подросток, и в это время глухо щелкнул замок.

Михон посмотрел на дверь. Анна Евгеньевна тоже. Маринка выглянула из-за гитары. Сашка бросил теревить воротник рубашки.

Входная дверь была приоткрыта и через неширокую щель был виден школьный коридор, бледно освещенный утренним солнцем.

5.

- Ну, кто первый? - прошептал Сашка и оглянулся.

Пыльная каморка сторожа была тиха и безлюдна. Он был один. На столе лежала одинокая тетрадь, и ее густо исписанные страницы бугрились под клеенчатой обложкой.

Парень дрожащей рукой провел по лицу, и пальцы немедленно испачкались угольными штрихами туши.

- Меня зовут Александра. А вас? - негромко произнес Сашка и поплелся в туалет.

К тому часу, когда в школу пришли вахтер и первые учителя, Сашка уже был вновь семнадцатилетним паренком, студентом, подрабатывающим ночным сторожем. До следующей смены оставалось время, и Сашка был уверен, что сможет придумать что-то новое. А если нет, то продолжит сочинять эту захватывающую историю о запертых в школе. Перед ним простиралась еще целая жизнь.

Эпилог.

Мы все что-то придумываем рано или поздно.

Иногда наши вымыслы правдивы, но чаще мы лжем. Лжем ради того, что никогда не произойдет, что никогда не случится. Лжем ради обретения силы над временем, расстояниями и судьбами. И для кого-то это так же легко, как высморкаться, а у кого-то все наживо вылезает из-под кожи.

Но это неизбежно.

Так же, как из-за угла подкрадывающаяся старость.

Так же, как клятвопреступление.

Так же, как закрывание глаз на вечно юный поток страсти.

Герои этого произведения живы до сих пор. Они среди нас. Попробуйте их отыскать. Только не закрывайте глаз:

А-нск, 2003-2008 гг.

e-mail: fishblood@rambler.ru